

Историография и вызовы постмодерна

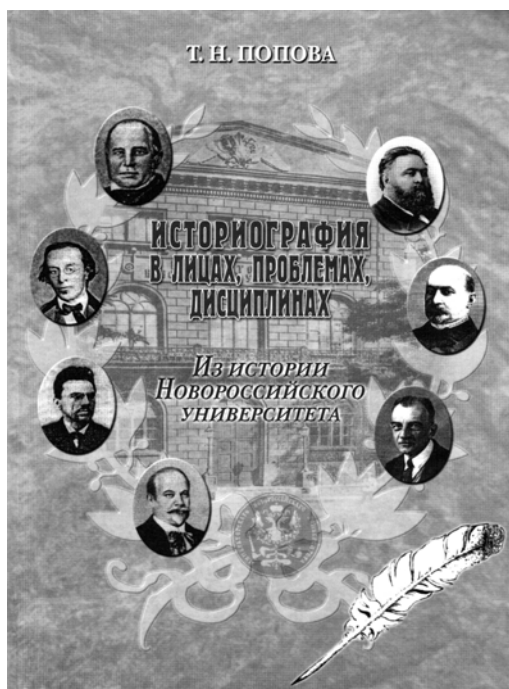
Попова Т.Н. *Историография в лицах, проблемах, дисциплинах.*

Из истории Новороссийского университета. — Одесса: Астропринт, 2007. — 536 с.

Специфика проявления процессов диалога культур в современном мире, науке и образовании связана с возрастающей ролью рефлексивно-го сознания. Рефлексия — это осмысление собственных действий и их законов, деятельность самопознания, самоанализ. С помощью такой рефлексии становится возможным признание ценности различных культурных миров как предпосылки их диалога. Составляющими элементами рефлексии являются: историко-культурная реконструкция знания, позволяющая представить знание в жизненной пульсации движения, становления; активное участие в поисках истины самого познающего субъекта, его заинтересованность в этом процессе; представление содержания знания в виде проблем, где каждая из них выступает способом упорядочения и организации информационного поля науки и дает возможность представить содержание науки в жизненной пульсации ее противоречивых сторон. Повышают уровень рефлексивности знания и современные информационные технологии: информатика, как и математика, обладает высокими рефлексивными потенциями.

Процессы самопознания не обошли и историческую науку. В книге Т.Н.Поповой задача рефлексивного анализа природы исторического исследования заявляется сразу: «Если История — это самопознание и самоидентификация личности и социума, то Историография — это способ самопознания и самоидентификации историка и самой Исторической науки. В современную эпоху многочисленных «вызовов» и «поворотов», с которыми столкнулась вечно «обновляющаяся» и находящаяся в «перманентном кризисе» профессиональная историческая наука, саморефлексия ее репрезентантов — представителей научного цеха историков — призвана через обращение в прошлое способствовать пониманию себя, настоящих, для определения перспектив своего бытия в условиях дискредитации собственного «поприща»» (с. 6). Необходимость такой саморефлексии исторического познания связывается с постмодернистским проектом и лингвистическим поворотом в историографии, которые действительно бросают эпистемологический вызов традиционной историографии (в широком смысле слова), предлагая ввести в последнюю новые приемы исследования и акцентировать внимание историка на тех аспектах анализа исторического, которые ранее не попадали в поле его зрения.

В книге справедливо отмечается, что с 1990-х годов в украинской и российской историографии обозначилась тенденция активного освоения науковедческого теоретико-методологического ап-

парата. Историками широко используются понятия «научная дисциплина», «научное сообщество», «институционализация», «дисциплинарность», «историографический процесс». Тем не менее реального сдвига в традиционных, часто стихийно и спонтанно сформировавшихся методологических основаниях исторического знания не произошло. Нередко такие словесные новации носят характер моды, камуфлируя и профанируя реальные проблемы.

В связи с этим следует отметить, что материал книги Т.Н.Поповой, напротив, убеждает, что новейшие тенденции анализа дисциплинарного статуса историографии рассмотрены здесь со знанием и пониманием тех категорий методологии и социологии науки, которые используются, и со стремлением извлечь из их применения конструктивный смысл для исторической науки.

Особенностью книги является то, что в ней предпринята попытка рассмотреть вызовы постмодерна исторической науки на материале историографической школы Новороссийского университета. В качестве основания для такого замысла приводится аргументация относительно того, что дисциплинарность историографии как истории исторической науки наиболее прозрачно проявлена в давно установившихся, институциализи-

ровавшихся в системы высшего образования учебных курсах. Это действительно так и не вызывает какого-либо протеста со стороны читателя книги, за исключением того, что развитие историографии дается через персоналии выдающихся историков Новороссийского университета, к творчеству которых применить парадигму постмодерна весьма затруднительно и неправомерно.

Сами по себе портреты профессоров Новороссийского университета А.И.Маркевича, П.М.Бичили, Е.И.Щепкина, В.Э.Крусмана представляют исключительный самостоятельный интерес. К тому же к ним присовокуплены оригинальный экскурс «О биоисториографических исследованиях» и вариант модели биоисториографического анализа. Последняя схема весьма полезна, особенно в дидактических целях.

Еще один мотив обращения к историографической школе Новороссийского университета связан с региональным аспектом исторических исследований. Об этом автор пишет весьма уместно применительно к современной ситуации: ««Региональный подход» к исследованию культурно-исторических процессов — знаковая черта современной науки. Ее проекция, с одной стороны, — в интересе к «локальному» в его «тотальности» как проявлению ведущей тенденции современной историографии, нацеленной на анализ индивидуально-неповторимого своеобразия исторического бытия, с другой, — в осмыслении проблемы «центр—регион» со всей непростой конфигурацией ее содержательного ядра. Для изучения историографического процесса в Украине XIX — начала XX веков региональный подход особо значим, ибо ее «территориальные образования» — «культурно-пространственные ландшафты» — Малороссия, Слободская, Правобережная и Южная Украина, Крым не только представляли собой специфические историко-географические «конгломераты» со своей собственной «исторической судьбой», но и выступали «объектами» (наряду с другими) конкретно ориентированной правительственной политики, которая в рамках Российской империи... Одновременно «региональный ракурс» фокусирует внимание на «горизонталь» отношений представителей «исторического цеха» между: 1) «двумя мирами» одного народа в границах двух империй — «Украиной российской» и «Украиной австрийской»; 2) «культурными мирами» представителей многонационального научного сообщества общероссийской историографии в целом; 3) «историографическими ареалами» Востока и Запада — связи и взаимовлияние в контексте общеевропейского научного поля; а также на «вертикаль» — взаимосвязь двух векторов в формировании историографического пространства: «снизу» («регион») и «сверху» («центр»). Все эти линии, переплетаясь в противоречиях и симбиозе, создавали сложный узор региональной самобытности. Развитие исторической науки в регионах выступает в качестве составляющей единого историографического про-

цесса, «региональное измерение» которого предстает неким цельным явлением, поскольку универсализм, трансформируясь на «местной почве», создает свой неповторимый «облик», детерминируя видовые характеристики такого своеобразного культурного феномена как региональная историография, которая складывается и развивается под влиянием широкого спектра факторов когнитивного и социокультурного характера, в столкновении «центробежных» и «центростремительных» сил» (с. 16—17).

Эта аргументация на самом деле своевременна и заслуживает внимания, но реализовать такой подход на материале исторической науки в Новороссийском университете также затруднительно. Поэтому здесь неизбежны концептуальные нестыковки между теоретико-методологическим материалом, впитавшим в себя новации и претензии постмодерна, и реальным описанием историографического процесса в рамках одного университета. Это, конечно, никак не снижает высокого качества работы. Просто, на мой взгляд, в жанровом отношении это не монография, а скорее эссе. В этом убеждает и структура книги, и ее оформление с приложением разного рода авторских ремарок, и, наконец, тот факт, что автор, видимо, намеренно, сохранила в книге корпус своих многочисленных журнальных публикаций, включая ссылочный аппарат к ним.

Мне представляется, что такой подход вполне уместен, заслуживает доверия и делает книгу весьма привлекательной, по-настоящему авторской.

Можно высказать также некоторые соображения относительно новаций постмодерна и лингвистического поворота в историографии.

Историческая наука, как и многие другие научные дисциплины, не может быть основана на одной монологической дисциплинарной практике. Чтобы полностью реализоваться, она, сохраняя внутреннюю идентичность, нуждается в достаточно широком диапазоне методов. Тем не менее существует мнение, что ввод новых методологических артикуляций в историографию теоретически дестабилизирует ее, даже если и способствует решению ряда проблем исторической науки, например, проблемы отношения между историческим текстом и контекстом.

Культура постмодерна и инодисциплинарные «вызовы» стимулируют пересмотр и модификацию категорий исторического анализа, серьезную методологическую рефлексия, которая далеко не всегда приводила к отказу от исторической «идентичности» в пользу «другой» или общегуманитарной.

Одна из центральных проблем исторического познания, которые выдвинул постмодерн, — проблема исторического опыта. Эта проблема многослойна и неоднозначна. В конструктивном плане исторический опыт или опыт прошлого есть историческая память, воссоздающая внешний опыт людей, фактически участвовавших в некоторых исторических событиях. Историческая память

преобразует этот опыт в нарратив. Главная же цель опыта историка, напротив, состоит в том, чтобы проникнуть в значение того, что он сам не испытал, и что он поэтому вынужден восстанавливать на основе многократного повторения, включая в этот процесс в лучшем случае следы опыта других историков.

Лингвистический поворот в историографии развернул историков к языку как первичному, активному, непрозрачному и наиболее значащему элементу их работы в противовес его пониманию предшествующей историографией как вторичного и пассивного. Лингвистический поворот предложил рассматривать историографию как сложный артефакт языка. Тем не менее нельзя сказать, что в результате историография обрела новые когнитивные формы.

Ключевые трудности современной исторической науки с позиций лингвистического поворота сконцентрированы вокруг проблем: что такое опыт прошлого; каковы способы придания значения историческим текстам; каков язык изложения исторических текстов; каково место исторической риторики в историописании; в чем суть исторической референции; как возможно получить и исследовать опыт прошлого; как возможно детерминировать работу историка не анализом свидетельств, а анализом языка; как понимать язык, если рассматривать его как конститутив исторического исследования; в чем смысл понимания исторических понятий как лингвистических форм реальности.

Со времен Геродота и Фукидида история и реальность соотносятся друг с другом через историческое свидетельство. Именно доверие к источникам позволяет и сегодня преодолевать историкам разного рода эпистемологические кризисы, избегая существенного изменения своей базовой

методологии. Причем это доверие понимается как критическая процедура исследования источников, основывающаяся на сборе и анализе главным образом архивной информации об объекте изучения, выдвигении гипотез о наблюдаемом, которые подтверждаются или опровергаются через эмпирическое исследование собранных, сопоставленных и оцененных с различной степенью тщательности суждений и свидетельств.

Несмотря на спорность и неоднозначность идей постмодерна и лингвистического поворота в отношении исторического исследования, они, безусловно, наращивают традиционные представления о смыслах исторического познания, а также способны пробудить находящееся в перманентной дремоте методологическое сознание историков.

Книга Т.Н.Поповой — не одна из многочисленных книг отечественных историков, она обладает определенными знаковыми качествами. Ее замысел, насыщенность современным методолого-рефлексивным материалом, доходчивый язык, логика аргументации, жанр эссе направлены на то, чтобы дестабилизировать затянувшуюся успокоенность историков относительно методологических оснований своей профессиональной области знаний, «растормозить» их самосознание, привить вкус к рефлексии. В книге справедливо отмечается, что проблема создания собственного интеллектуального пространства, стоящая ныне перед отечественной наукой, должна решаться на основе осмысления и переосмысления отечественных традиций исторической науки и современных дискурсивных практик историописания и рефлексивного анализа западной историографии.

В.И. Оноприенко,
доктор филос. наук, профессор